

Глава 28: Взгляд в прошлое

Он поднял глаза на лицо своей матери сквозь слезы и мог лишь восхищаться ее красотой и умиротворенной улыбкой, устремленной в глаза своего младенца — Гарри. Он видел ее любовь к нему, написанную на всем ее лице — любовь, которая убила ее и подарила ему жизнь. Она выглядела такой... молодой... невинной... почти наивной.

Он задавался вопросом, смотрела ли она на него так же после того, как услышала пророчество. Ее глаза, ее улыбка, ее осанка — все указывало на то, что она любила своего ребенка всем сердцем. Сохранится ли эта любовь, если она узнает, что натворил ее сын?

И был его отец, покровительственно обнимавший их обоих — что бы он подумал о Гарри сейчас? Этот человек, как называл его Том, был аврором — он посвятил свою жизнь борьбе с темными волшебниками, спасению людей, а его сын водился с убийцей. Станет ли он любить Гарри, зная о том, что тот натворил?

— Гарри, нам нельзя задерживаться. Ты сможешь поддерживать чары только некоторое время.

Волна ярости пронзила его позвоночник, когда он услышал мысли Тома в своем сознании, и он почувствовал, как накаляется воздух вокруг него. Как обычно, Том просто заботился о нем... но ярость все же была там, пусть и на мгновение. Как смеет Том лишать его того немногого, что у него осталось? Разве Лорд Волдеморт не отнял у Поттеров достаточно? Это мгновение принадлежало Гарри... и Том не имел права вмешиваться.

Но... это не имело значения. Как обычно, Том был прав.

Он вздохнул:

— Я знаю.

Неохотно он отвернулся от статуи, наслаждаясь ощущением, что в его груди что-то рвется, когда он отворачивается от единственного изображения своих родителей, которое он когда-либо видел. Онемение охватило его, когда он продолжил идти по вымощенной булыжником улице, прислушиваясь к тихим указаниям Тома в своем сознании, и, насколько ему было известно, вскоре он оказался перед коттеджем Поттеров.

Это был отрезвляющий опыт.

Одна сторона дома была абсолютно нетронута и могла быть какой угодно заброшенной усадьбой, сливаясь с общим стилем Годриковой Впадины. Но другая половина... Что-то внутри него скручивалось, когда он осматривал ущерб, нанесенный отразившимся от него смертельным проклятием. Казалось, в одной из комнат вспыхнул пожар, и, хотя он был локализован в одной половине дома, он опустошал ее безжалостно.

Завороженный видом перед ним, Гарри едва слышал себя, когда прошептал «Алохомора» к воротам перед ним.

Цветы, украшавшие стороны булыжной дорожки к коттеджу, давно засохли, увядшие или задуманные сорняками. Он задумался, какие цветы там росли когда-то — теперь они были слишком увядшими, чтобы он мог их различить. Выбирала ли их сама его мать? Ей нравилось заниматься садоводством? Если бы она жила... ухаживал ли бы Гарри за этим садом вместо тети Петунии, с любящей матерью рядом?

Гарри пребывал в полузабытьи, входя в дом — это было словно шаг в единственный момент прошлого, внутренний интерьер коттеджа почти издевательски контрастировал с утратой, которую он олицетворял. Казалось, кто-то заморозил мгновение во времени и медленно дал ему увянуть, сохраняя формы, но утрачивая краски, сохраняя момент жизни, но лишая ее самой жизни.

Посуда все еще стояла в мойке, а игрушки лежали на полу гостиной. Обувь — пара кроссовок, рабочие ботинки и туфли, а также маленькие кожаные сапоги, туфли на каблуках и лакированные туфли на низком ходу — были выстроены у стены слева, а над ними висел покрытый пылью зонтик и собрание осенних пальто.

Гарри мог практически видеть, как мелькают очертания прежних обитателей — его семьи — между реальностью. Мать готовит суп на кухне, пока отец помогает сыну строить крепость из подушек на полу гостиной; семья сидит за кухонным столом, улыбаясь; младенец спит в объятиях матери, пока отец возвращается с работы с улыбкой. Это была его жизнь когда-то.

Он покачал головой. Он был здесь не для того, чтобы предаваться воспоминаниям о том, что он не может помнить. У него была работа, которую нужно было сделать.

Медленно он поднялся по лестнице в детскую — местоположение которой было ему очевидно; это был эпицентр ран коттеджа.

Он едва не споткнулся и не упал, когда вошел, почти физически потрясенный холодной волной жуткой ностальгии, которая обрушилась на него. Там была кровать... игрушки на полу... подушки... стены, покрашенные небесно-голубой краской, перемешанные со следами ожогов...

Казалось ли ему это знакомым? Он не мог сказать, было ли это действительно знакомо или он просто хотел, чтобы это было так. Он спал здесь когда-то. Это была его комната, прежде чем он был осиротен и заточен в чулане. Эта кровать, эти игрушки — они были его. Подаренные любящими родителями. Все это принадлежало ему, пока сюда не вторгся Том...

Он поморщился. Ему нужно взять себя в руки.

Глубоко вздохнув, он опустился на колени и заглянул под кровать, и, как и ожидалось, там лежала тринадцатая с половиной дюймовая палочка из тиса, беззаботно дремавшая на ковре

покрытии. Гарри мог почувствовать восторг Тома в своем сознании, когда он убрал палочку в рюкзак.

Что ж, это было... антиклиматично. Он покачал головой. Он выполнил свое задание. Это было все, что имело значение.

Но... нет, было еще кое-что, что он должен был сделать — для своих родителей... для себя.

— Том... я не могу еще уходить. Есть кое-что, что я должен сделать.

<http://tl.rulate.ru/book/105065/3765691>